

ЖУРЗИЛКА

1

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА
ИЗДАНИЕ РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ

1924

XX 63
II

802-84
3369-4

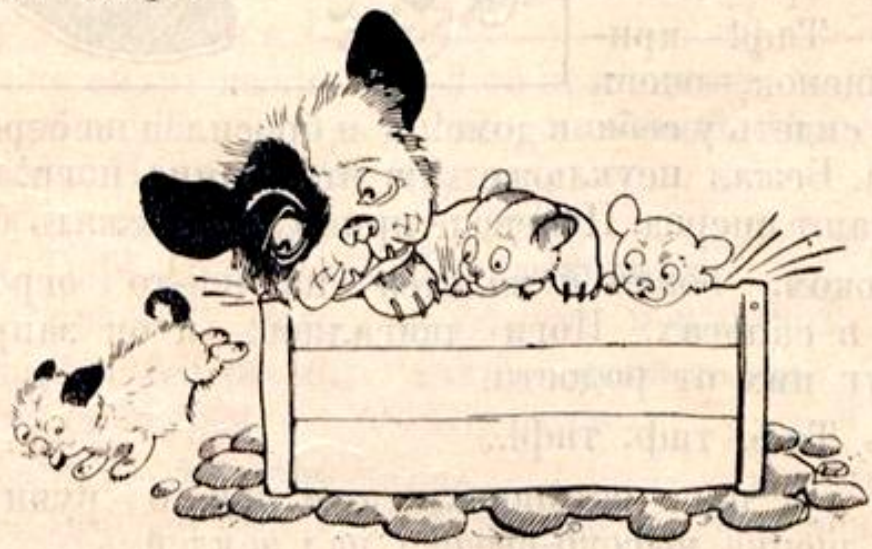
— МУРЗИЛКА —

1924 г. | ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“ | № 1.
| ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА. |

МУРЗИЛКИН ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Жучка старательно вылизала всех троих щенят, и они стали такие гладенькие, аккуратные.

Но с четвертым щенком дело у нее не ладилось. Весь он был какой-то лохматый, шершавый; на мордочке у него шерсть торчала вроде стариковской бороды; одно ухо висело вниз, другое—было поднято вверх.

Да и не давался он Жучке,—юлит, вертится вокруг; то в нос ее лизнет, то за хвост уцепится.

При этом №—**бесплатное приложение „Цирк на столе“.**

Открыта подписка на 1924 год с 1-го мая

на новый журнал для детей младшего возраста (от 4—7 лет)

„МУРЗИЛКА“

Издание „Рабочей Газеты“.

Журнал выходит ежемесячно книжками, отпечатанными крупным шрифтом, со множеством рисунков и с обложкой в красках, с приложениями—в виде картин для вырезывания и склеивания.

Журнал издается при ближайшем участии: **Ал. Алтаева, О. В. Спандарян, А. Федорова-Давыдова** и группы московских педагогов **А. Пальмбаха, В. Симонса, Я. Симонса.**

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА:

Богатов, Н., Венгров, Н., Горлов, Д., Гурьян, О., Григоров, А., Дуров, Вл., Денисов, В., Денисовский, Дубенская, М., Ильинский, Н., Ишимов, А., Комаров, А., Кожеватников, А., Моор, Д., Насимович, А., Павлова, А., Покровский, С., Петров, А., Ротов, К., Соболева, А., Соловьева, П. (*Allegro*); Ткач Основа, Чуковский, К., Шафранова-Межакова, М., Чельцов, А., Шолок, Эдвард и др.

„МУРЗИЛКА“ отразит в себе и ребячье житье-бытье, и природу.

„МУРЗИЛКА“ покажет, как ребята должны работать сообща, чтобы им весело было от работы.

„МУРЗИЛКА“ даст ребятам много таких картин в красках, которые можно будет резать в полное их удовольствие, а потом нарезанное склеивать, чтобы у ребят получались всякие вещи.

Постоянные отделы:

1) рассказы, очерки, сценки, сказки из мира животных; 2) стихотворения, басни; 3) маленькие пьески; 4) первые рассказы о явлениях природы, о животных и растениях; 5) очерки из области труда и производства; 6) занятия, игры, работы, самодельные игрушки из бросового материала; 7) шутки, задачи, загадки.

П Р И Л О Ж Е Н И Я:

листы рисунков в красках, для вырезывания и склеивания;

игрушки, модели, игры, панорамы, макеты театра, цирка и проч.

Подписная плата: на 3 месяца с доставкой и пересылкой **50 коп.** золот.

Адрес редакции и конторы: Москва, Охотный ряд, 7, „Рабочая Газета“.

— И в кого ты уродился такой!—сказала с^ддо-
садой Жучка.

— Тяф!—тяфкнул щенок, напруг все силы и вы-
скочил из ящика.

— Ай, ай, ай!
Какой простор! Как
велик белый свет!
Гораздо больше на-
шего ящика!

— Белый[?] - то
свет больше даже
нашего двора! —
проворчала Жуч-
ка, — пожалуйста,
не выбегай за во-
рота, — а то непре-
менно пропадешь!

— Тяф!—кри-
кнул щенок, — очень
надо сидеть у себя в доме!.. — и бросился на середину
двора. Бежал неуклюже. Уж эти задние ноги! Так и
забегают вперед. Поневоле приходится бежать боком.

Боком, боком и налетел на чьи-то огромные
ноги в сапогах. Ноги двигались, — и он запрыгал
вокруг них от радости.

— Тяф, тяф, тяф!..

И тут ноги остановились, и чьи-то руки под-
няли щенка высоко-высоко над землей.

— Вот так песик! И шустрый же! Мурзилка да
и только!..

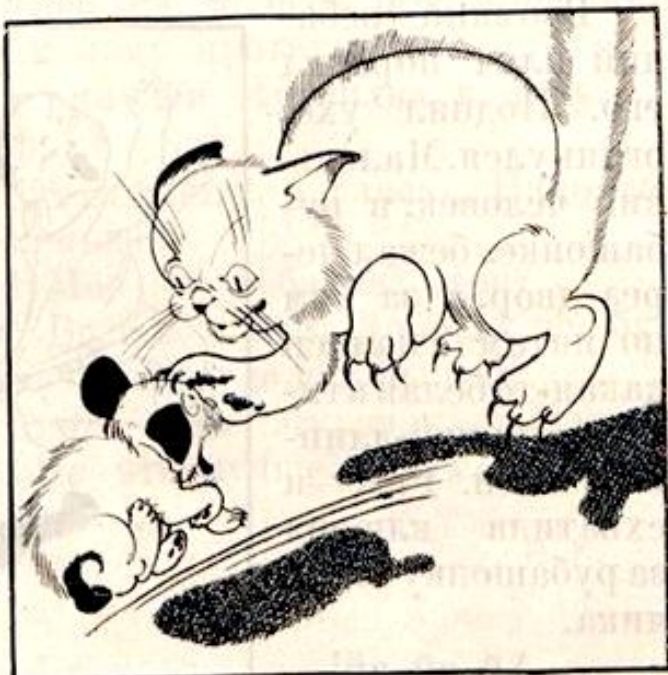
— Тяф, тяф, тяф!—захлебывался от восторга Мурзилка и лез целоваться к улыбающемуся лицу.

— Ну, брат, Мурзилка, и лихой пес будешь. Старайся, брат!..

И слесарь Степан опустил Мурзилку на землю и потрепал его по спине.

Сердце Мурзилки взыграло от восторга. Ах, какие все хорошие, ласковые, добрые! И солнце светит так тепло, и воздух чудесный!

А вон — на

крыльце сидит важно какой-то незнакомец в серенькой шубке. Такой красивый, ласковый. На солнце щурится. Надо познакомиться!

Мурзилка — к крыльцу.

— Тяф! Тяф! Тяф!.. Здравствуйте!

Да сразбегу прямо носом ему в животик.

Бац! И бархатная лапка незнакомца больно шлепнула Мурзилку по мордашке.

— Фрр... не лезь!..

— Тяф!—удивился Мурзилка и, как лев, бросился на кота. Дратся—так дратся! Ррры!..

Кот—в сторону, вскочил на перила и выгнул спину колесом.

— Невежа!—ворчал он сверху,—да я тебе глаза выцарапаю.

Да Мурзилка уже забыл про кота.

Громкий ребячий плач поразил его. Поднял ухо, оглянулся. Маленький человек, в рубашонке, бежал через двор, а за ним по пятам гналась какая-то белая птица с длинной-длинной шеей. Раз!—и схватила клювом за рубашонку мальчика.

— Ай, ай, ай!—

закричал мальчи на весь двор.

Мурзилка сорвался с места. Ну, конечно, там не хватало только его одного.

Больших ног не испугался, кота на перила загнал,—уж птицу ли не одолеет!..

Налетел орлом,—цап за хвост гусака! А тот—как зашипит,—малыша бросил да Мурзилку—за ухо!

А гусак—на него:—„Га-га-га! Й тебя, лохмач!“

Мальчи хнычет, Мурзилка визжит, гусак гогочет. Переполох на весь двор!

Да большие ноги на выручку пришли! Светнула в воздухе хвостина, гусак бросил Мурзилку да, переваливаясь с ноги на ногу,—в сторону.

— Что, брат, Петька, попало?—сказал слесарь Степан.—Зачем гусака дразнил? Спасибо, Мурзилка тебя выручил! Ну, да и пес же! Мал да удал!..

А Петька уж улыбается во весь рот, ковыляет к Мурзилке и руки к нему протягивает.

Полный восторга ринулся Мурзилка к нему.

— Тяф, тяф, тяф!..

Облизал ему и нос, и щеки, и глаза.. Надо же познакомиться хорошенько!

— Батя! А батя! Моя это собачка? Моя?

— Твоя, Петька! Возись с ней. Добрый пес будет. Изо всех щенков такой удалец вышел!

— Тяф, тяф, тяф!—ласт Мурзилка,—Петька мой, и я Петькин. На что лучше!.. Ах, как хорошо жить на свете!..

Р. К.

ВАНЮШКИНО СЧАСТЬЕ.

В детском доме большое волнение. Брошены игры; кубики валяются на полу. Ребята сгруппились у окна. Машут руками, шепчутся.

— Ему некуда деваться.

— Он все по улице бродит!.. А там холодно.

— И Матрена плачет!..

Дело в том, что сегодня прачка Матрена принесла белье в детский дом. Пришла, села и заплакала. Спрашивают дети, что с ней?

— Да вот,—говорит,—живу впроголодь. И целый день на работе. А Ванюшка мой—без меня—вовсе пропадает. Либо дома сидит,—скучает, либо по улице бродит, балуется. Да тоже с голоду иной раз плачет-ревет. А где же мне его прокормить?

Ушла Матрена,—и ребята были в ужасе.

— Нам-то хорошо здесь. А ему каково!..

— Его бы к нам, сюда. Вот бы хорошо было!

— Давайте, приведем его. Ведь он—напротив живет!..

— Да его не пустят сюда.

— Анна Михайловна рассердится.

— Что же делать-то?

Долго думали-гадали. Наконец, самый старший, Вася-Горбунок, вдруг как закричит:

— Приду-
мал... Приду-
мал!..

— Ну, ну,
что такое?.. Го-
вори!..

— А мы
давайте в Моно
напишем. Так
и так, — при-
шлите Ванюш-
ку к нам. Мы
с ним всем по-
делимся.

— Ай да Васька!... Пиши, пиши!..

— Бумаги бы мне да карандаш!..

И то, и другое достали.

Уселся Вася-Горбунок у окна, — вокруг него ребята столпились: друг на друга лезут; через плечо Васи заглядывают, — как это он пишет.

Сопит Вася, выводит печатными буквами:

„Товарищ Моно. Как у Матрены Ванюшка в беспризорных ходит, и есть им нечего, и мы желаем, — Ванюшка пускай у нас живет. Беспременно это надо. Матрена говорит, — на улице Ванюшка пропадет. Ну, он не пропадет у нас. Все очень просят вас, товарищ Моно, чтобы Ванюшку к нам определить, ему есть нечего. Как нынче день работницы, а она, Матрена, работница. И вы нам это устройте. Дети детского Дома“.

Кончил. Встал. Прочел.

— Подписывай, ребята!..

Тут возня пошла. Друг у друга карандаш вырывают, ставят — кто одну букву, кто имя каракулями... Вася-Горбунок в конце расчеркнулся:

„Писал Вася-Горбунок бывший беспризорный“.

Анну Михайловну, руководительницу, вызвали.

— Пошли, тетенька. Беспременно сейчас. А то ему ждать долго.

— Да кому? В чем дело?..

Насилу-то поняла. Улыбнулась. А все-таки заявление взяла...

Неделя прошла. Уж как ждали ребята, что-то будет.

В субботу Анна Михайловна входит, — а рядом с ней, Ванюшка-карапуз.

— Дети, — говорит Анна Михайловна, — вот вам новый товарищ. Сами вы его себе выпросили!..

А Ванюшка — даром, что новенький, не боится, — во весь рот улыбается...

Обступили его ребята,—каждый к себе тащит.
— Ванюшка! Ванюшка!.. Наш он теперь!..
То-то, брат!.. Знай наших!..

А. Ишимов.

ВЕСНОЙ.

Греет солнце весеннее,
Журчат ручьи по-весеннему.
Прогоняют печали зимние,
Дни холодные и унылые.
Зовут к радости,
Зовут к бодрости
И к работе под солнышком.
Копать землю лопатами,

Засевать ее и обсаживать.
Чтоб деревья росли на пустоши,
Чтоб трава и цветы глазатешили.
Огурцы и морковкурвать сладкую,
Тащить репку самим,
А не с дедом и бабкою!

А. Павлова.

Весна-красна.

Ходит Мороз-Студенец, покрехтывает; снег у него под ногами повизгивает; в воздухе мгла стоит. Опущились деревья инеем. Тянутся к небу из труб струйки дыма белого.

А Мороз-Студенец ходит да побрякивает:

— Ах, хорошо! Тошите больше!

На что у волка и лисы шубы теплые, а у зайца—и шуба, и валенки, а холод и их пробирает. Сидят в норах, от холода зубами щелкают.

Высунул, было, заяц нос из сугроба,—а Мороз ему погрозил:

— Сиди, сиди, заморожу...

Погрозил заяц ему за спиной лапкой и почесал за ухом. Потом лег в сугроб и заснул сном богатырским.

Спал три дня, три ночи; а потом еще три дня и три ночи. Вылез, оглянулся и замер от радости.

— Эге-ге-ге! Вот так штука!..

Тепло в воздухе; яркое светит солнышко. Небо чистое - чистое. Журчат где-то ручейки...

— Вон оно что..

Вскинул заяц всеми четырьмя лапками в воздухе и перекувырнулся.

— Ау, Мороз-Студенец!.. Весна-красна идет... Скакнул туда, сюда,—в ложбинку, на пригорок, под лозину залез,—совсем заяц с ума сошел... Скачет, бормочет:

— Весна-красна, Весна-красна...

Скакнул в рощу березовую, в овражек,—налетел на деда Мороза и испугался,—на задние лапки присел.

— Что ты, косой? Одурел?..—заворчал Мороз-Студенец, поднимаясь на локоть.

— Да как же,—пролепетал заяц,—и небушко чистое, и солнце светит ярко, тепло... По всему надо полагать,—Весна-красна идет...

— Ах, ты!..

Хотел Мороз на ноги встать, да не может. Со-
всем ослаб,—силы нет. И надо бы зайца-пострела
проучить—да где уж там!..

— Иди, косой,—говорит,—посмотри,—что это
мне спину колет; жестко что-то лежать стало.

Глянул заяц за спину Мороза и ахнул:

— Травка!.. Батюшки мои!.. Травка, дедушка,
растет!.. Родимые мои!.. Да свеженькая, да во-
стренькая!..

— Молчи ты!.. какая там травка!..

— А на груди-то у тебя!.. Ой-ой-ой!.. Подсне-
жники голубенькие, дедушка!..

Хватился старик за грудь,—и впрямь, целый пук
подснежников пробивается из-под снежной бороды!..

А заяц совсем осмелел. Подбоченился и говорит
Морозу:

— Ну, старина, пора и честь знать. Много ты
нас мучил,—уходи по-добру, по-здорову!.. С сол-
нышком теперь тебе не справиться!..

Хотел Мороз зайца за уши ухватить,—а он
вывернулся: брыкнул ногами,—лягнул Мороза и был
таков!..

Повалился Мороз на землю.

— Ну,—говорит,—видно, и точно конец мне при-
шел, раз уж заяц лягнуть меня осмелился.

А. Федоров-Давыдов.

С красным флагом.

Первое мая.

Первое мая—не за горами. А дела-то, дела у ребят—не оберешься!..

— Первое мая—праздник труда и свободы,—говорит тетьа Варя,—надо вам отметить это.

— Мы на машине поедем, тетьа Варя?

— На машине.

— Это, как в прошлом году?..

— Вот, вот...

Плакат готовили. Длинный такой, из кумача. На него буквы нашивали из белого коленкора.

Медленно идет работа: иголки, точно на смех, скользят из пальцев, колются. А буквы надо пришивать ровно, аккуратно.

— „Мы... цветы жизни“,—читает по складам на плакате маленькая Аня.

— А я, знаете, что слышала,—говорит одна из девочек,—будто грузовики 1 мая будут ездить, и на них ряженые. Тут и такая уродина, жирная,

противная—Капитал, что душит всех. Тут тебе и рабочий. И вот они будто борятся. И потом рабочий—хватать его за горло и повалит.

— А то сказывают, Крокодил еще с вилами ездить будет,—перебивает рассказчицу малыш.—И где что неправда,—он вилами в бок.

— А я бы вот что устроила,—говорит задумчиво самая тихая и серьезная, Настя.—Я бы нас всех цветами нарядила. Все—наши луговые, родные. И песни бы нам петь. То-то хорошо было бы!..—

В большой комнате,—где шумно всегда,—сегодня тихо. Так и чувствуется кругом ожидание чего-то большого, хорошего, торжественного...

— Дети, ужинать пора!..

— Некогда, тетя Варя. Сейчас кончим.

В воздухе—острый запах елок. Это—мальчишки спешно вяжут гирлянды из еловых веток, чем бока машины украшать будут.

— Да, да, подождите немного,—раздаются голоса,—и мы скоро гирлянды довяжем.

— Да ведь уж десятый час скоро.

— Ну, что же, ради такого-то дня...

И к мальчикам пристаёт маленькая Аня:

— Давайте, я гирлянду плести буду тоже.

— Куда тебе! Видишь, все руки у нас исколоты.

Ане—хоть плакать.

— А ты что смотришь,—вон розетки пунцовые,—привязывай их к гирлянде. Вот!..

И девочка спешно принимается за работу.

Ясное, светлое небо. Весело по-праздничному

горит солнце. Весь город облит ярким светом. Небо голубое, приветливое, без единой отметинки, ни облачка нет.

Весь город—словно живет улицей, трепыхается красными флагами, плакатами, стягами. Каждый дом—точно лентами окутан. С знакомым гудом реют

совсем низко аэропланы. Кружась нерешительно, в воздухе порхают листки приветствий, сброшенные сверху.

Улицы запружены толпами народа. На главной улице—бесконечные ленты манифестаций. Реют, выются над ними, как живые змеи, алые флаги...

Гул катится издалека...

— Да здравствует 1 мая, праздник труда и свободы!
С гулом катится тяжелый грузовик—медведь-медведем. На нем—ребята, веселые, оживленные; и у них на груди развеваются алые ленты.

Над ними надулся от ветра плакат с надписью: „Мы—цветы жизни“...

Ах, это—наши знакомые!

Ну, да, вон и маленькая Аня, которой не дали пришивать буквы, вон и задумчивая Настя,—только теперь она весело смотрит, улыбается и кричит: — Да здравствует 1-ое мая!..

Вон и тетя Варя, с нею—целый живой цветник. И врывается в толпу тяжелый грузовик.

— Да здравствует 1-е мая!

А за первым грузовиком—другой, третий. Целые живые грядки цветов жизни...

— Да здравствует 1-е мая!

— Да здравствует праздник труда и свободы...

— Да здравствуют ребяташки,—живые цветы новой жизни!..

К. Раев.

Сказка о ледяной сосульке.

— Прощай, Воробушек! — сказала Ледяная Сосулька, висевшая на крыше сарая, и уронила большую слезу на снег.

— Чирик-чирик! — запрыгал Воробушек. — Куда ты собираешься и почему плачешь?

— Ах! — вздохнула Сосулька, — привыкла я к этой крыше, к тебе, Воробушку, и к той старой Вороне. А теперь вот придется все это покинуть... — И она опять заплакала.

— Ничего не понимаю! — взъерошил Воробушек перышки.

— Кар-кар! Совсем весна! — каркнула Ворона с мусорного ящика и перелетела на сарай.

— Чирик-чик! Сосулька от нас уходит!

— Ха-ха-ха! — захлопала крыльями Ворона. — Вот новость сказал! Она превратится в воду, а потом — в пар и улетит от нас на тучке.

— В какой пар? — спросил Воробушек.

— Сразу видно, что ты только в прошлом году

на свет появился. Ну, слушай...—Ворона откашлялась, удобнее уселась на крыше и начала:

— Весной, когда становится теплее, снег и сосульки начинают от солнышка таять и превращаться в воду. Вода собирается в ручьи и бежит по канаве. Часть воды просачивается в землю, часть—добегает до рек, а часть—от теплого солнца превращается в белый пар и улетает вверх..

— Пар собирается в тучки, а ветер уносит

тучки далеко-далеко,—всхлинула Сосулька, и слезы так и закали из ее глаз.

— Ну, а что же потом делается с тучками? — спросил Воробушек.

— Тучки долго

гуляют по небу. Но там, вверху, холоднее, чем у нас, около земли, и пар опять превращается в воду, в капли. А так как капли тяжелее пара, то они начинают падать вниз, на землю.

— Чирик-чик!—хлопнул Воробушек крыльями. — Такие капли падали по целым дням осенью. Я только забыл, как они называются...

— Они называются дождем,—хриплым голосом сказала старая Калоша, валявшаяся под сараем.

— Совершенно верно!—сердито каркнула Ворона.—Она считала себя умнее всех на свете и сердилась, если кто-нибудь знал то же, что и она.

— Ну, а потом?—нетерпеливо пищал Воробушек.—Как же вода превращается в снег и сосульку?

Ворона покосилась на Калошу. Та молчала.

— Ну, а зимой, когда очень холодно и даже коченеют лапки, капли в тучах замерзают и превращаются в снежинки. А снежинки покрывают всю землю. Вот и все.

— И совсем не все!—злорадно заскрипела Калоша.—Иногда зимой солнышко в полдень пригревает теплее, и снег на крыше начинает таять и капать. К вечеру капли на крыше замерзают и превращаются в сосульки.

— Несносная выскочка!—сердито каркнула Ворона и улетела на дерево.

— Кап-кап-кап... Прощай, Воробушек!—плакала Сосулька. Она стала совсем маленькой.

— Чирик-чик! Прощай, милая Сосулька! Жалко тебя. А все-таки лучше пусть будет весна!

В лесу.

ПЕТУХ КОРМИЛЕЦ

— „Ко-ко-ко-ку-ку-ку! Ку-ку-реку-ку-ку-ку!“

Черный петух на солнце блестит... Красный гребень, как кровь, горит, на сильных ногах крепки когти вострит... Петух кучи гребет, зерен много найдет. Зерна в клюв берет и назад кладет.

Петух кур зовет, для них зерно бережет...

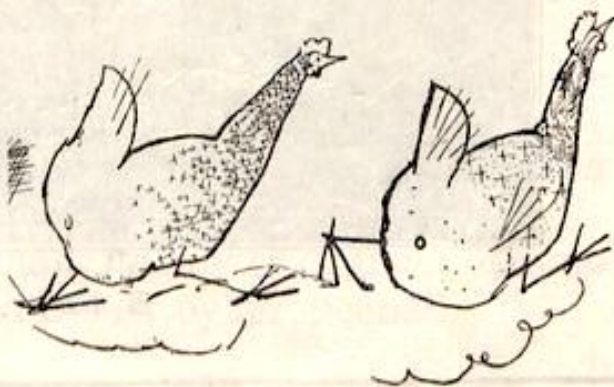
Услыхали петуха, прибежали издалека... Бегут, качаются, на кучу разбегаются... А куры тут — и пестра, и желта, и с хохлом бела...

Вот и ряба пришла, яйцо снесла... Она важно идет, свою песню поет:

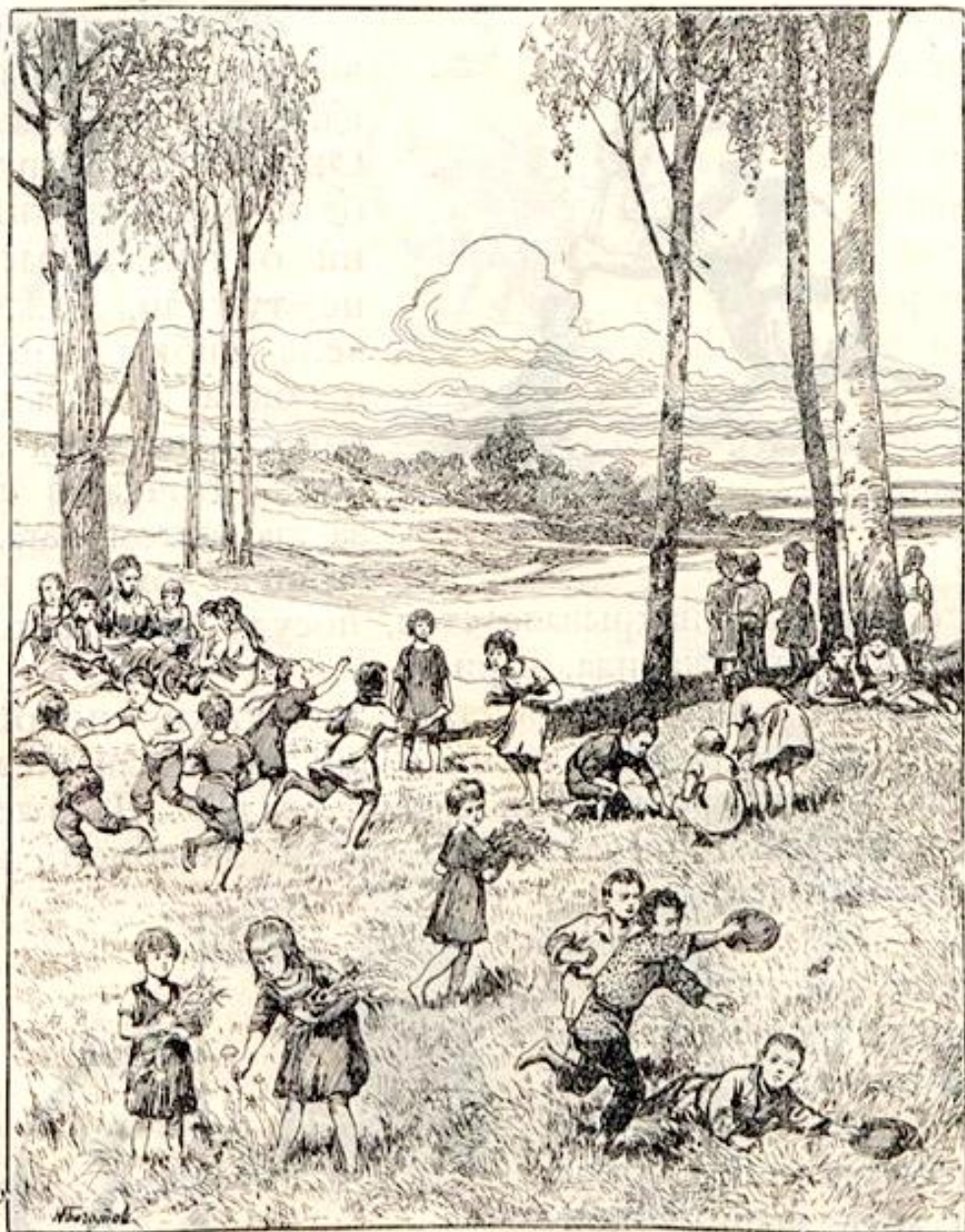
— „Куд-ку-да, куд-ку-да! Яйцо снесла, я яйцо снесла и к вам пришла!“

Петух услышал, звать перестал.

Стал вокруг ходить, крылом по земле водить, своих кур кормить.

А. Павлова.

На воле.

Мышка, птичка и колбаска.

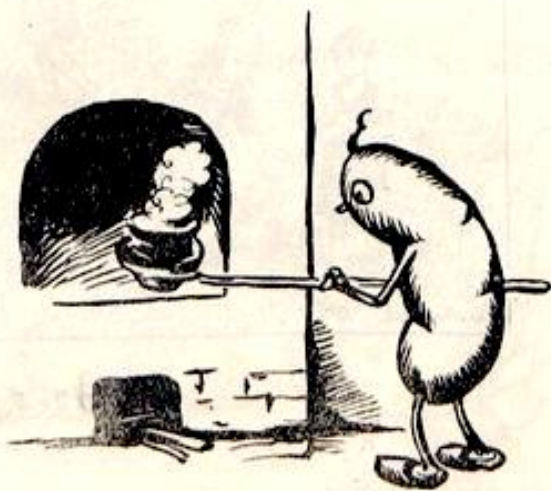

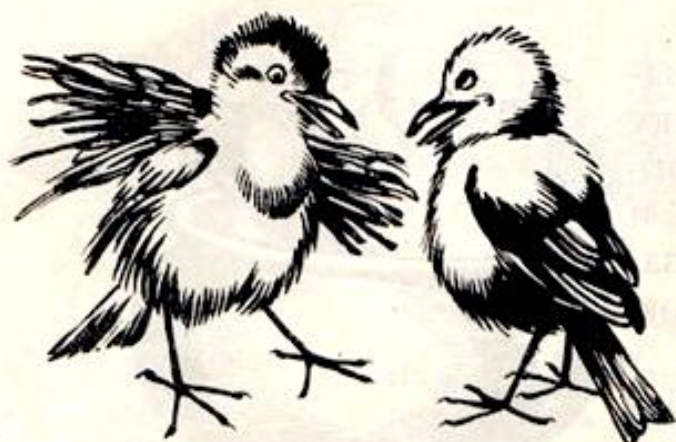
Жили-были, сказывает сказка, мышка, птичка и колбаска. Они в тесной дружбе и согласьи жили, ни о чем напрасно не тужили, каждая вела свою работу, и была у каждой лишь одна своя забота: птичка в лес за хворостом летала, мышка домик в чи-

стоте держала, накрывала стол, посуду мыла; а колбаска в кухне жарила, варила.

Долго этак жили три подружки, помогая весело друг дружке: и ни в чем не знали недостатка, спали крепко, ели сытно, сладко... Да в лесу раз птичка повстречалась со своей знакомой, ну, и разболталась.

— Эх, — знакомая сказала, — и глупа ты; а подружки у тебя не простоваты; ты-то трудишься за них, да вдвое, а они сидят себе в покое. Вон хоть мышь: окончит всю уборку, да юркнет к себе в каморку. А колбаске — той, по-

жалуй, еще проще: ей не надо дров таскать из роши; только, знай смотри, как кушанье варится, а потом скользнет скоренько по кашнице, просолит ее, промас-

лит,—ну, и ладно. Этак жить куда как не накладно.

Птичка, хмурая домой вернулась, сели кушать, а она сидит—надулась.

—Вот что сестры, — говорит, — довольно я трудилась, от работы больно утомилась, так давайте

мы работою меняться; я вот буду дома управляться; стряпать кушанье поручим мышке, а колбаска в лес пойдет рубить дровишки...

Вот поутру посылают в лес колбаску принести дровец хоть небольшую связку; и покорно в рощу та заковыляла, да дорогою собаку повстречала.

И не стала разбирать собака, — в чем тут дело, а понюхала колбаску, да и съела.

Дома — мышь, колбаске в подражанье, захотела показать свое старанье и скользнуть, как та, бывало, по кашнице, ну, а мышке это делать не годится: она сунулась в котел да и сварилась...

Только тут уж птичка спохватилась, как была она с подружками жестока, что теперь она осталась одинокой, — что теперь ей жить одной труднее стало... Было счастье и пропало...

Ткач Основа.

Как путешествовало семечко.

На опуш-
келеса, меж-
ду хмурой
старой сос-
ной и моло-
дой бело-
ствольной

березкой, выглянула рябинка. Рябинка была еще совсем маленькая — чуть-чуть повыше кустика брусники, но она упорно тянулась вверх.

— Как ты попала сюда?—спросила рябинку старая сосна, — здесь поблизости, кажется, не растет ни одной рябины.

— Не знаю, — отозвалась рябинка.

А случилось это вот как. Однажды позднюю осенью отыскала голодная птичка в лесу рябину, на которой было много ягод. Обрадовалась птичка.

Принялась она клевать ягоды; да зашумело вдруг что-то поблизости; птичка испугалась, вспорхнула с рябины, захватив с собой одну ягодку; с ней она и прилетела на опушку леса и там принялась расклевывать ягодку. Но тут помешало что-то птичке; она выронила ягодку и улетела дальше.

Упала ягодка на землю, занесло ее вкоре снегом, и пролежала она так до весны. Весной же одно из семечек, находящихся в ягодке, проросло, и вот теперь, летом, посмотрите, из него выросла рябинка. Пока она еще маленькая, слабенькая. Но через несколько лет выровняется рябинка в стройное деревцо. Так - то вот маленькая птичка вырастила на опушке леса рябинку.

Вот как путешествует иногда семечко!

Евгений Шведер.

МУРЗИЛКИН КЛУБ

ПЕРВОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ МУРЗИЛКИНЫХ ДРУЗЕЙ.

Нак только прошла весть о журнале „Мурзилка“, где будет печататься много сказок и рассказов про зверей и зверушек, — стали в редакцию присылать письма от них самих. Кто их знает, сами ли они писали, или ребята — под их диктовку. Да это не важно. Главное дело в том, что много интересного было в этих письмах из жизни зверушек. И потому „Мурзилка“ решил печатать их. Мало того, собрал зверят разных, говорит:

— Пишите больше. И товарищам тоже скажите, чтобы писали. А раз в месяц будем собираться в редакции, станем читать письма и лучшее печатать в журнале!...

— Это будет вроде клуба! — сказал заяц.

— Да, Мурзилкин клуб! — пискнула белочка.

— Да здравствует Мурзилка!...

— Я думаю, не мешало бы и стенную газету в клубе устроить! — сказал важно заяц.

И на это согласились зверята. Сказано, — сделано.

Мурзилкин клуб открыт. И на стене редакции уже красуется первый номер стенной газеты.

Зверкоры *Ворон Кра.*
Белочка Чок.

Секретарь *Мышонок Пип.*

ПИСЬМА В МУРЗИЛКИН КЛУБ.

Уважаемый Мурзилка!

Поздравь меня. Вывелись у меня из икринок 85 прелестных крошек-головастиков. Я целыми

Головастики.

часами сижу на гнилом бревне и люблюсь, как они играют в воде. Через 15 дней у них вырастут задние ножки, а еще через 15 дней и передние. Тогда они будут настоящие лягушки.

Лягушка.

Товарищ редактор! Спешу сообщить вам, что произошло у нас

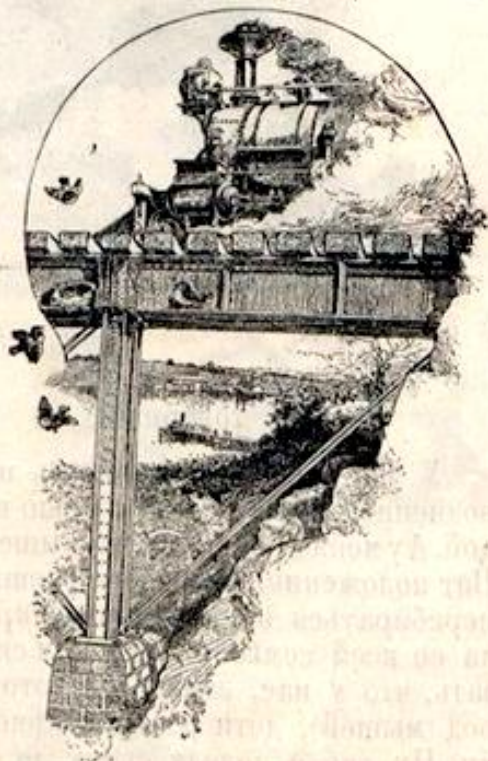

Скворцы и ястреб.

на-днях. Мы, скворцы, всегда живем дружно, летаем стаями. И это

очень хорошо. Вот слушайте. Вчера налетел на нашу стаю ястреб и ухватил скворчика цепкими когтями. Тут бы и конец нашему товарищу. Да мы дружно бросились спасать своего. Окружили скворца ястреба со всех сторон,—клюют его, рвут перья, в глаза ему крыльями хлещут. А я—разлечусь сверху да нет-нет и долбану его в темя что есть силы. Ведь добился своего: выпустил ястреб скворца,—едва сам от нас улетел.

Скворчик Пестрый (2-х лет).

Милый Мурзилка!

Спешу тебе сообщить свой адрес. Я живу в необычайном месте

Ты просто удивишься. Над моей головой громяют поезда, свистят паровозы, дым кругом. Шумно, — но покойно за гнездо. Ну, да, в прошлом году я свила гнездо в ямке и его разорила лиса. Раньше того — на ветке устроилась. Сорока на меня напала.

Этой весной я свила гнездо под железнодорожным мостом. Извери, и птицы боятся паровоза и не сунутся ко мне. А мне только того и надо. Пока до свиданья.

Пеночка.

Землеройка с детенышами.

Дорогие товарищи!

У нас недавно случилось наводнение, и нашу норку залило водой. А у меня — шестеро детенышей. Вот положение! Пришлось спешно перебираться на новую квартиру, да со всей семьей. Надо вам сказать, что у нас, землероек (это — род мышей), дети рождаются слепыми. Ну, как я поведу своих детей

с места на место? Говорю им: — „Берите друг друга зубами за хвост, а самый первый — за хвост меня“. Так и сделали. Я пошла передом, а за мной — мои детеныши целым поездом. Смеялись кругом. Да что поделаешь, — приходится на всякие выдумки идти, чтобы помочь в беде.

Землеройка-мать.

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя